

БИБЛИОТЕКА УХОДЯЩИХ

ЛИЛИАН БЛЭР

Лилиан Блэр

Библиотека Уходящих

«Автор»

2026

Блэр Л.

Библиотека Уходящих / Л. Блэр — «Автор», 2026

«Каждая книга – это судьба. Но что, если однажды ты возьмёшь в руки чужую и уже не сможешь отпустить?» Кассиан сто лет был Смотрителем Либры – бесконечной библиотеки, где каждая книга хранит человеческую судьбу. Он давно смирился с одиночеством, холодом и правилами, которые нельзя нарушать. Пока однажды не увидел в зеркальной двери горящий книжный магазин и девушку с рыжими волосами, которая не должна была выжить. Он вмешался, спас её, и запустил цепочку событий, которые перевернули всё. Теперь за ними охотятся Писцы – безликие стражи порядка, готовые стереть любого, кто нарушит закон. Вдвоём они ищут ответы в заброшенных секциях Либры, находят записки предыдущего Смотрителя, узнают цену спасения и понимают: чтобы выжить, им нужно довериться друг другу. Но что делать, если его книга пуста, а её должна была закрыться навсегда? И есть ли в мире, где всё подчинено протоколам, место для выбора, который не впишется ни в один параграф?

© Блэр Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт I. Пустые страницы	5
Глава 1. Шорох	6
Глава 2. Отражение	9
Глава 3. Огонь	13
Глава 4. Гости	18
Глава 5. Обещание	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лилиан Блэр

Библиотека Уходящих

Акт I. Пустые страницы

«Есть книги, которые никогда не должны быть открыты. Есть судьбы, которые никогда не должны быть изменены. Но тот, кто однажды взял в руки чужую книгу, уже не сможет пройти мимо. С этого всё начинается. С этого всё рушится. С этого всё обретает смысл»

Глава 1. Шорох

«Всё началось с шороха. С книги, которая покачнулась на полке. С записки, которую кто-то оставил сто лет назад»

Холодный свет лампочек, висящих над головой, вновь ослепил меня ранним утром. Я невольно повернул голову на тихий шорох, раздавшийся слева. На средней полке шкафа одна из книг неловко покачнулась, задев рядом стоящую. Выдохнув, я направился в ту сторону, где, быть может, начнёт развиваться новая трагедия.

Подойдя ближе, я взял в руки эту нарушительницу спокойствия. Тёмная обложка, слегка потрёпанная, но дышащая жизнью, слегка подрагивала, пока я не погладил её пальцами по корешку.

– Понимаю, как тебе не просто, но наберись терпения.

Руками ощущаю тепло, исходящее от неё. Хороший знак. Я подержал её ещё несколько минут, не решаясь открыть и узнать, что же произошло. Порой это приводит к неожиданным последствиям. Уж я-то знаю. Поставил книгу обратно, задержав на ней взгляд. «Вроде бы успокоилась. Как же с ними порой непросто. Такой уж возраст».

Я посмотрел вперед на коридор между полками. Тысячи книг ждут моего внимания. Проходя по коридору, я поправлял выбившихся со своего места, аккуратно подталкивая их обратно. Мой взгляд упал на одну книгу – розовая обложка с небольшим тиснением в виде лепестков розы. Я нахмурился, понимая, что её место должно быть совсем в другом ряду. Развернувшись, обнаружил пустое место возле довольно увесистого тома, который покачивался из стороны в сторону, выдавая тревогу на грани паники.

Покачав головой, я взял в руки беглянку и вернул её на своё место.

– Больше не сбегай, – пригрозив ей пальцем, строго произнёс я. Оказавшись рядом с томом, который начал успокаиваться, осознавая, что «дочка» нашлась, она прильнула к нему поближе.

Я усмехнулся, погладив малютку по корешку. «Она ещё не раз меня удивит. Я это чувствую».

Побродив еще некоторое время мимо полок в первой секции, я перешел в секцию номер два. Здесь всегда появлялись новички. Я любил и одновременно ненавидел эту секцию. Посередине стоял круглый стол, по стенам расположились небольшие шкафчики. Оглядев помещение, направился к столу. Сегодняшний день будет чуть полегче вчерашнего: новеньких было не так много. Всего лишь десять. Я легонько прикоснулся к каждой из них. Пальцы ощутили тепло, а воздух наполнился ароматом свежего молока. Я на миг закрыл глаза, но кроме темноты ничего не увидел. Да и чего я хотел?

Открыв глаза, я опустил взгляд на брошюры. Одна из них сильно отличалась: темная, словно перо ворона, она дрожала. От страха? Или ненависти? Я взял её в руки, боясь, что она выскользнет или поранит меня. Но, на удивление, она успокоилась в моих руках. Я не раз встречал брошюры подобного рода, но часто они вели себя агрессивно. Эта же была иной. Желание открыть её было настолько сильно, что я уже слегка отогнул краешек, когда здравый смысл в моей голове воспротивился и заставил положить её на место.

Сделав глубокий вдох, я взял брошюры в охапку и подошел к шкафам. Сейчас будет самая сложная работа: рассортировать их так, чтобы не было драки за места. Вчерашнего побоища еще раз я не переживу!

«Детки» в шкафах оживились, будто я принес им новые игрушки. Они стали друг дружку толкать, пробираясь чуть ближе ко мне. Я слегка отодвинул слишком настойчивых от края и положил новеньких в шкаф. Какое-то время «старожилы» держались дальше от них. Я заметил, как они шелестят тонкими листочками, наблюдая за новичками. С любопытством и толикой опаски. Приближаясь поближе, они пытались прикоснуться к ним. Я усмехнулся, увидев, как они расформировались на несколько групп, словно заранее решили с кем они могут подружиться.

Только «Вороненка» никто не принимал в свою стаю. Я хмуро сдвинул брови и, присев на корточки, чтобы оказаться глазами с ними на уровне, произнёс:

– А если бы я отвернулся от вас, сделав вид, что мне наплевать, вам было бы приятно?

Они затихли. Через какое-то мгновение одна брошюрка оказалась ближе всех к «изгою». Сделав несколько взмахов, она словно попыталась обнять его. Другие решили подойти поближе, не желая остаться в тени.

Я улыбнулся, ощущая исходящее от них тепло, пришедшее на смену безразличия и отстраненности.

– Видите, как всё оказывается просто. Всего-то лишь нужно немного внимания. И доброты.

Осознав, что они успокоились и больше не станут буянить, – во всяком случае в ближайшие пару часов точно, – я направился дальше по коридору, покидая этот сектор. Нужно добавить новеньких в журнал учета. Порядок необходим не только для этого места, но и для меня. Так легче. Так проще.

Второй сектор и кабинет, где хранились журналы, был отделен длинным коридором. Здесь не было привычного шелеста страниц и буйных перебранок. Только тишина и спокойствие. Порой именно здесь меня посещали странные мысли, которые я отгонял от себя и ускорил шаг.

Прошла пара минут и я оказался в паре метров от двери, но что-то показалось мне странным. Дверь как-будто стала стеклянной, а может это лишь отблеск света так отразился от серо-голубоватого дерева?

Я задержал дыхание, пытаюсь собраться с мыслями. Это безумие, но мне показалось, что что-то изменилось. Или только начинает меняться. Взяв дверную ручку, я ощутил холод металла и резко дернул её.

Внутри был тот же зал, те же шкафы, заполненные журналами, но взгляд мой сразу зацепился за одну выбрывающуюся из этого пространства вещь: зеркало. Я нахмурился, подходя к нему, размышляя: было ли оно здесь раньше? Разве я мог не заметить эту махину, занимавшую всю стену от пола до потолка? Я подошел к нему вплотную, коснувшись поверхности. Сквозь толщу пыли, что придавала ему тусклый оттенок, я разглядел свое отражение. Стерев грязь рукавом своего плаща, я уставился на себя.

– Да, ты сходишь с ума... – пробормотал я своему отражению. – Нужно хотя бы раз за эту вечность прибраться. Или хотя бы что-то сделать со своими волосами. Смотреть страшно...

Отросшие и запутанные, словно после ожесточенной драки, пепельного оттенка, по которому я не могу сказать точно: это седина? Или они всегда такими были?

Глаза почти такого же цвета, но с темным ободком по краям радужки. Странно, что я раньше не обращал на это внимания...

Я тряхнул головой, словно это магическим образом что-то изменит. Увы, так просто ничего не бывает. Оторвавшись от зеркала, я вернулся к делу, ради которого и пришел сюда: сделать запись в журнал.

Я опустил на стул и, раскрыв журнал, начал записывать. Я уже давно перестал указывать номера: просто потерял счет, да и не за чем. Кроме меня здесь это никому не нужно. А мне достаточно просто указывать их имена.

Я взял ручку – деревянную, потемневшую от чернил и времени. Перо сухо скрипнуло, коснувшись бумаги. Обмакнул его в чернильницу, сняв излишек с край – привычный жест, который я исполняю каждый раз на протяжении многих лет. Пока писал, чернила ложились неровно: буквы то бледнели, то проступали жирной линией. Приходилось ждать, прежде чем перевернуть страницу. Шаг за шагом, имя за именем. Всего лишь десять новеньких, но каким теплом и светом отзывались их имена.

Я на секунду остановился, повторяя вслух одно имя, словно пытался распробовать его на вкус: Коринна. Именно это было написано на черной брошюре. Я еще несколько раз произнес это имя прежде чем отложить ручку и закрыть журнал.

Как много имён было записано сюда, и сколько еще будет. Жизнь не стоит на месте, а только набирает обороты, раскручивая колесо все быстрее.

Я встал и, взяв журнал, поставил его на место в шкафу. Огляделся, охватив взглядом небольшую комнату и множество журналов, стоящих в безмолвном молчании. «Сколько из них я уже заполнил полностью? Неужели все эти имена написаны именно мной?»

Обернувшись к зеркалу, я заметил в углу рамы белый листочек, который словно пытался высвободиться из оков, сжимающих его. Наклонившись, аккуратно вытащил его. Повертев, я заметил еле различимую надпись высохшими и побледневшими чернилами: «Однажды ты поймёшь, почему я поступил так».

Я перечитал предложение несколько раз. Вряд ли она просто вывалилась из какой-то книги, срез был слишком прямым, словно её вырезали специально. Я оглянулся еще раз на зеркало, пытаясь отыскать что-то, чего я еще не заметил, но рама была просто рамой с обычным зеркалом, в котором проступало мое отражение. Отражение удивленного человека, который только что нашел то, чего никогда еще не встречал.

Глава 2. Отражение

«Отражение не лжёт. Оно показывает то, что мы прячем от других»

Знаете, что бывает хуже трезвонящего будильника ранним утром? Мелкий дождик, барабанивший по крыше и подоконнику! Я потянулась к телефону и отключила будильник. Повернувшись на бок и сделав глубокий вдох, я опустила ноги на пол. Спать уже нет никакого смысла, а работа, конечно же, ждать не любит. Да и квартира сама себя не оплатит. А жаль...

Подойдя к ванной, я включила свет. Здесь, набрав воду в стакан и почистив зубы, я уставилась на свое отражение в небольшом зеркале. Растрепанные рыжие волосы, торчащие в разные стороны, темные круги под глазами – просто писк моды! «Ну и видок».

Пошарив в шкафу в поисках расчески, я решила прибегнуть к простому методу – «расчесать» волосы руками. Ну а что? Быстрый и действенный метод!

Закончив с утренним туалетом, я направилась на кухню. Сделав на скорую руку себе бутерброд, уселась за стол и уставилась на вид из окна. Морозящий дождь и серое небо никак не поднимали настроение.

На этом фоне мимо окна пролетела ворона, громко оповещая о своем присутствии. Я наблюдала за её крутым виражом и резкой сменой маршрута. Она устремилась куда-то за горизонт. «Отчего люди не летают так, как птицы?» – пронеслась в голове строчка из монолога Катерины Островского.

Хмыкнув, я встала, чтобы вымыть свою кружку. Жизнь такая странная штука, и порой ты сам не знаешь, откуда могут приходить бредовые идеи и внезапные мысли. Я лишь увидела птицу и сразу же вспомнила строчку из любимой пьесы. Да, не очень веселая, но зато честная.

Зашла в спальню и распахнула дверцу шкафа. Вся моя одежда была по-большой части однообразная: футболки, джинсы, свитера крупной вязки. Ни одного платья или юбки. И дело не в том, что я не люблю «красивое». Просто с детства усвоила одно: если ты не вписываешься – тебя поправят. Бабушки у подъезда качали головами: «Что за имя такое – Алиссия? Мать-то у тебя не наша?» Соседки цокали языком: «В штанах ходишь, как пацан. Надень платье, будь как девочка». Учительница в школе как-то сказала: «Ты слишком громкая, Алиссия. Девочки должны быть скромнее».

В глазах других я всегда слишком громкая, слишком странная. В общем, какая-то не такая.

Сначала я злилась, а потом перестала и просто продолжала носить джинсы. Назло им? Возможно, но по большому счету, чтобы помнить: я не обязана быть удобной.

Надев любимый свитер и потертые от времени джинсы, я открыла входную дверь, задержавшись на своем отображении в зеркале. «И кому какое дело до меня? У них своя правда, а у меня своя». Повернув ключ в замке, я вышла на лестничную площадку. Как всегда в углу стояли чьи-то велосипеды и самокаты, как личная парковка, только внутри дома. Очень удобно.

Я начала спускаться по лестнице, считая ступеньки. Я знала точное количество, – пятьдесят один – но все равно постоянно подсчитывала. Для чего? Не знаю.

На улице все также шел дождь. Я пожалела, что не надела куртку. Теперь волосы будут еще больше выглядеть, как пакля. Ну, как говорится, у природы нет плохой погоды, хотя я бы поспорила.

До работы мне нужно всего лишь пройти буквально один квартал. Не так уж и много. Можно перетерпеть этот мерзкий дождь. Я знала, что там меня точно ждут.

Завернув за угол, я увидела свой родной книжный магазинчик. Моя отрада и работа. Никаких очередей, важных начальников и глупых бумажных отчетов! Я открыла дверь и включила свет. В дальнем ряду замигала лампочка. Электрик до сих пор не заменил её. Нужно будет напомнить.

На столе лежала стопка книг, которым я не успела найти уютный уголок. Хотелось поставить их на самое видное место, яркие, манящие обложки так и требуют, чтобы их взяли в руки и начали погружаться в новый мир. Я и сама часто коротала деньки за чтением этих книг. Имею полное право.

Иногда мне казалось, что я люблю книги больше, чем людей. Они меня не осудят, не скажут, что я слишком громкая или бездарная. Они просто ждут, когда их откроют.

Я начала расставлять книги на полки. Корешком к корешку, создавая яркую палитру, словно художник. Когда в руках осталась одна книга, я изумленно уставилась на нее. Нежно-розовая обложка, на корешке тиснение в виде розы. Такая же была у той девочки. Я услышала о ней от тех самых соседок, что когда-то судачили обо мне. «Лежит в больнице, бедняжка. Никто её не навещает. Я уже сама хотела сходить, но вряд ли ей будет комфортно общаться со старухой. Практически незнакомой».

После этих слов я решилась навестить девочку. Просто потому что знаю каково это – быть одной, когда о тебе шепчутся за спиной. Я принесла ей книгу – розовую, с цветами. Мы прочитали ее вслух. Вместе посмеялись. Я видела, как она начала расцветать, подобно бутону розы, который в умелых руках садовника из чахнувшего растения превращается в яркий цветок.

Я поставила книгу на самое видное место. Возможно, она поможет еще кому-нибудь в сложный момент. Оглядела полки, заставленные книгами. Могла ли я подумать, что после получения диплома филолога я стану продавцом? Во время учебы – вряд ли. Сейчас же вижу только плюсы. Дарить людям счастье хотя бы на время отвлечься от рутинных дел и побывать в захватывающих мирах, которые никогда не увидишь – дорогого стоит!

На дверях прозвенел колокольчик. «А вот и первый покупатель!»

– Доброе утро! – Я обернулась к двери с широкой улыбкой. Только вот улыбаться было некому. Перед собой я видела лишь свое отражение в темном стекле двери и какой-то силуэт рядом. Я моргнула, и этот некто исчез. «Глюки? Но я даже кофе не пила, чтобы меня так потрянуло...»

Задумавшись, мог ли просто свет сыграть со мной такую шутку, посмотрела еще раз на дверь. Ничего не изменилось. Просто темное стекло. Ничего более. Выдохнув, пошла к служебному помещению. Пить кофе уже перехотелось. «Надеюсь, зелёный чай поможет успокоиться и не вызовет таких галлюцинаций».

Я налила кипятка в кружку и опустила одноразовый пакетик зеленого чая. Поставив кружку на стол, резко поняла: что-то здесь не так. Принюхавшись, я не ощутила аромата чая, только запах старой бумаги, смешанного с чем-то еще. Как будто я стояла на улице, чувствуя след прошедшей грозы. Нанесло с улицы? Там же все-таки был дождь...

Я вздрогнула, когда телефон резко завибрировал на столе. Взяла его в руку и с облегчением выдохнула: всего лишь сообщение от мамы. «Дочка, ты давно не звонила. У тебя всё хорошо?» Я смотрела на экран, не зная, что ответить. Хорошо ли? За дверью дождливо, в магазине пусто и мне померещился незнакомец в отражении. «Мам, все в порядке. Прости, много работы». Я отложила телефон и взяла кружку в руки. Сделала небольшой глоток. Чай был горьким. Из-за привкуса тревоги?

Я вышла из каморки с кружкой в руках. В магазине было тихо. Дождь за окном стих, колокольчик над дверью молчал, лампочка в дальнем ряду больше не мигала, а просто погасла. Я поставила кружку на прилавок и медленно пошла вдоль полок. Всё было на своих местах, и

всё же что-то было не так. Ощущение будто за мной наблюдают. Я обернулась – никого, только тёмное стекло двери отражало меня саму, и больше ни души. «Ладно, – сказала я вслух, чтобы нарушить тишину. – Давай просто доживём до вечера».

Остановившись возле одной из полок, я начала перебирать книги, стряхивая с них пыль. Некоторые были практически новые, а другие приходили в плачевном состоянии. Приходилось их подклеивать, латать, подшивать. В такие моменты я чувствовала себя хирургом, проводящим сложную операцию. Я улыбнулась, наткнувшись на старое издание книги, описывающее биографию одной испанской пианистки: «Алисия де Ларрочи. Маленькие руки – великий звук». Мама обожала эту пианистку. Говорила, что у неё были самые маленькие руки среди великих, но звук мелодий, что она исполняла, были подобны раскату грома.

Были ли у моей мамы мечты, что я стану такой же великой пианисткой, или же просто захотелось назвать дочку в честь своего кумира? Вряд ли первое: я никогда не пыталась прикасаться к чему-то изящному, тонкому, как музыка. Мой мир – это книги. Теперь я знаю это точно.

Стерев пыль с книги, я поставила её обратно. Колокольчик над дверью звякнул. Я обернулась. На пороге стоял парень, стряхивая капли дождя с волос. Лет двадцать с небольшим. Растерянным взглядом он осмотрел магазинчик, остановив свой взгляд на мне, когда я произнесла:

– Добрый день! Вам нужна помощь?

Парень вздрогнул, будто не ожидал, что с ним заговорят. Потом кивнул и сделал шаг внутрь. На секунду замер, снова разглядывая полки.

– Да, я... э-э-э... У вас есть что-нибудь по философии?

Я усмехнулась. Философия, конечно. Вечно эти парни в дождь ищут философию.

– Есть. Дальняя полка, слева. Что-то конкретное или помочь выбрать?

Он моргнул, словно вопрос поставил его в тупик.

– Ну... что-нибудь для начинающих. Чтобы не слишком заумно, а то я в этом не очень.

Я кивнула и направилась к полке. Парень пошёл следом, стараясь не задеть стопки книг на полу. От него пахло дождём и чем-то ещё. Одеколоном? Или просто мокрой курткой.

– Вот, – я протянула ему тонкую книгу в мягкой обложке. – «Философия для чайников». Серьёзно, хорошая вещь. Без заумных словечек.

Он взял книгу, повертел в руках, хмыкнул.

– Спасибо. Я, наверное, её возьму. А ещё... – он замялся. – У вас есть что-нибудь про одиночество?

Я подняла бровь. Парень покраснел.

– Не для меня! Для друга. Ну, то есть... подруга попросила. Просто ей сейчас непросто, и я подумал...

– Про одиночество вон там, – я махнула в сторону дальней витрины. – Но, честно говоря, лучше возьмите вот это. – Я взяла с соседней полки небольшой томик. – Рассказы Чехова. Он про одиночество не пишет. Он его лечит.

Парень посмотрел на меня так, будто я сказала что-то очень важное.

– У вас тут так тихо... Спокойно. Как будто я попал в другой мир, и... – он покраснел.

– Простите, болтаю всякую чепуху. Я возьму эти книги. Обе.

Я кивнула. Парень оплатил покупку, и, кивнув на моё дежурное «Приходите ещё!», ушёл, а я стояла и думала. «Как будто я попал в другой мир». Он сказал это и смутился, будто сморозил глупость. Но, может, так и есть? Может, этот магазинчик – и правда другой мир? Сегодня особенно. Силуэт в стекле, запах грозы в каморке, лампочка, которая мигала и в итоге погасла. Что-то изменилось, или только начинает меняться.

Я перевела взгляд на полку с Чеховым. «Он про одиночество не пишет. Он его лечит». Я сказала это уверенно, а теперь думала: лечит ли? Или просто помогает привыкнуть? Я пере-

читывала «Тоску» десятки раз, и каждый раз – как в первый. Может, одиночество не лечится, а всего лишь просто становится тише, когда кто-то называет его по имени.

За окном снова забарабанил дождь. Я вздохнула и пошла поправлять книги на дальней полке. День неуклонно катился к вечеру, а для меня время как будто застыло.

Взглянув на часы, я осознала, что рабочее время уже подошло к концу. Осмотрев напоследок книжные полки, я начала закрывать магазин, но перед тем, как отключить свет, забежала в каморку, и, достав старую куртку, накинула поверх свитера. Ключ в замке повернулся с привычным щелчком. Дождь наконец перестал, но воздух остался влажным и холодным. Я сунула руки в карманы и пошла домой.

Улица была пустой. Только редкие фонари отражались в лужах. Я снова считала шаги – глупая привычка, а может не глупая. Что-то, что помогает не думать.

Дома я скинула мокрые кеды, включила свет в прихожей и мельком глянула в зеркало. Усталое лицо, мокрые волосы. Никаких силуэтов за спиной. Только я.

«Ну и славно», – пробормотала я и пошла на кухню, второй раз за день ставить чайник. Теперь уже ради чая, а не ради успокоения.

Глава 3. Огонь

«Я видел огонь и среди пламени – её лицо. Я не знал, кто она, но книга, которая гасла, принадлежала ей»

Прошло два дня с тех пор, как я нашел тот листок со словами: «Однажды ты поймёшь, почему я поступил так». Я никак не мог понять – кто это написал и кому это было обращено.

Я перечитывал его снова и снова, в надежде, что буквы сложатся во что-то другое. Не получилось. Пытался найти в журналах похожий почерк, – мелкий, убористый, с наклоном влево, – но ничего похожего не нашел. Будто этот листок попал сюда из другого мира, в чем я сильно сомневался.

Сейчас я снова вертел эту записку в руках. «Что же ты скрываешь от меня?» Слишком ровные линии среза, словно кто-то специально сделал для меня эту головоломку. «Могут ли быть другие подсказки? А если да, то где?» – размышлял я, двигаясь по кругу комнаты, как заведенная игрушка. – «Может ли это быть послание для меня? Тогда здесь будет другой вопрос: от кого, если я здесь один. Или...»

Я замер на месте. Одновременно с этой мыслью я почувствовал холод. Он был чужим. За сто лет я научился различать их: один вечно жил в моих пальцах, а второй приходил извне. Он тянулся откуда-то из глубины, тонкий и острый, как лезвие. Холод коснулся затылка, пробежал по позвоночнику и замер где-то в груди. Я выдохнул, и выдох получился облачком пара, хотя в этих залах никогда не было зимы. Где-то прямо сейчас закрывалась книга. Я отложил записку и пошёл на зов.

Ведомый холодом, я шел по коридору. Он пробирался сквозь одежду и становился гуще с каждым шагом, пока не привел меня к дальней полке в третьей секции. Здесь стояли книги тех, кто прожил долго. Тяжёлые тома, потёртые переплёты, золотое тиснение на корешках. Одна из них больше не дышала.

Я остановился. Книга лежала на боку. Видно, пыталась держаться до последнего, но не смогла. Я взял её в руки. Тяжёлая, много прожито. Страницы были ещё тёплыми, но тепло уходило – медленно, как вода сквозь пальцы.

Я не стал открывать её сразу. Сначала проверил переплёт: цел ли корешок, не порваны ли страницы. Всё было в порядке. Хорошая, крепкая книга, и такая хорошая долгая жизнь.

Потом я открыл последнюю страницу. Это было не обязательно, никто не требовал от меня этого, но я всегда читал хотя бы строчку, хотя бы слово. Как будто желая проводить человека до двери, а не выталкивать за порог. Там было всего лишь одно предложение: «Я прожил счастливую жизнь, преодолевая все невзгоды». Я кивнул и закрыл книгу.

До Архива идти было недалеко. Я миновал длинный коридор и вошёл в зал, где не было ни шороха, ни скрипа, ни ссор. Только тишина. Здесь жили те, кто уже прожил. Я нашёл нужную полку – по алфавиту, по году – и поставил книгу на место. Она встала ровно, как будто всегда там стояла.

Я коснулся корешка двумя пальцами – коротко, почти формально, а потом прошептал уже привычные слова:

– Vale, amice.¹

И тишина Архива приняла ещё одно имя.

¹ Прощай, друг (лат.)

Вернулся в главный зал. Книги встретили меня привычным шелестом, но что-то в нём было не то. Не утренняя бодрость, не привычная возня, а самая настоящая тревога. Одна книга дрожала на полке, но я не чувствовал холода. Другая прижалась к соседке так плотно, будто искала защиты. Я провёл пальцами по корешкам и почувствовал тепло. Значит, смерти нет, только страх.

– Чего вы боитесь? – спросил я вслух, не ожидая ответа. Книги молчали. Только одна, совсем тонкая, чуть сдвинулась в сторону, словно хотела что-то показать. Я проследил за её движением. Она указывала в сторону коридора, где находилась зеркальная дверь.

Я не пошёл туда сразу. Зачем? Это всего лишь самая обычная дверь. Я продолжил заниматься рутинной: поправлял книги, смахивал пыль, заглянул в секцию номер два – там было тихо, новеньких не прибавилось, но мысль о зеркале не уходила. Она сидела где-то под рёбрами.

Ближе к вечеру я всё-таки вышел в коридор. Дверь была на месте – серо-голубоватая, как всегда. Только вот поверхность её не была гладкой: по стеклу шла лёгкая рябь, будто от ветра. Я подошёл ближе, протянул руку и рябь исчезла. Осталось только моё отражение, как всегда, усталое..

«Показалось», – подумал я и отвернулся. А зря.

Я вернулся к своей привычной «работе».. Поправил книги в секции номер один, заглянул к новеньким – всё было тихо. Воронёнок стояла на своём месте, больше не дрожала. Я даже позволил себе короткую усмешку: кажется, она прижилась. День катился к вечеру, и я почти убедил себя, что рябь на зеркале мне померещилась.

А потом пришёл холод. Не тот, что зовёт в Архив, – я знал этот холод с давних пор и научился с ним жить. Этот был другим – резким, обжигающим, чужим. Он не тянулся из глубины библиотеки, а ударил откуда-то извне, словно кто-то распахнул дверь в зиму.

Я бросился к зеркалу.

На этот раз ряби не было. Стекло было чистым и тёмным, но отражало оно не меня. Я видел не свои глаза, не свои пепельные волосы. Я видел огонь и среди него мелькнуло женское лицо. Рыжие волосы, рассыпанные по полу, закрытые глаза, рот, приоткрытый в беззвучном крике. Я не знал её, но книга, которая гасла сейчас здесь, принадлежала ей. Чувствовал это всем своим существом, которого не ощущал ранее. Теперь меня жгло не привычным холодом, а яростным огнём, который пожирал её книгу.

Я не думал. Не взвешивал «за» и «против», не вспоминал Инквизицию и закон. Я просто дёрнул ручку двери и шагнул в зеркало.

Огонь пожирал все: шкафы, книги, занавески на окнах. Я почувствовал нестерпимый жар смешанный с дымом. Легкие начало саднить, я закалялся и увидел её на полу.

Её волосы разметались по грязному полу, рыжий цвет стал сероватым от сажи. Она редко дышала. Я быстро подошел к ней и присел на корточки.

– Эй... вставай, нужно выбираться отсюда.

– Зачем? – еле слышно спросила она. – Для чего мне... жить?

Я смотрел на неё и не знал, что сказать. Какие слова она хотела услышать? Нахмурившись, я смог только произнести:

– Честно, я не знаю, но для того, чтобы найти ответ, нужно хотя бы встать. Поднимайся. Живо!

Она шире открыла глаза после моего вскрика. Я даже не пытался понять, что она видит перед собой: рушащийся мир или...

– Кто ты? – удивленно спросила она, пытаясь сесть.

– Скорее всего, твоя единственная возможность выжить, – серьёзно сказал я.

Я встал и протянул ей руку. Она закашлялась, в её глазах я увидел сомнение, будто в ней боролись два существа: один был «за», а другой – «против».

Я уже хотел схватить её сам, но она решительно взяла меня за руку и попробовала встать. Я на мгновение замер. «Она... не может меня... видеть... Как?»

Мысли прервал резкий хруст: с потолка свалилась пылающая балка, разломав шкаф. Я резко дернул женщину за собой, понимая, что промедление опасно для жизни. Для жизни нас обоих.

Она шла за мной, переступая горящие книги, остатки сгоревших шкафов. Я же просто вел её вперёд, зная только тот путь, через который пришёл сюда. Думать и искать другой выход не было времени. С тем, что будет потом, разберёмся позже.

В темном отражении двери проступали мой и её силуэты. Она не выглядела испуганной, а больше напряжённой. Я толкнул дверь. Прохладный воздух позволил вдохнуть полной грудью.

Я услышал сдавленный голос:

– Где я? – затем она сказала громче, с истеричной ноткой: – И кто ты, чёрт побери, такой?!

Отпустив её руку, я сказал:

– Это место я зову своим домом. А кто я... тебе будет сложно понять.

– Твое имя мне тоже будет сложно понять? – сложив руки на груди и нахмурившись произнесла она.

Она стояла посреди Либры. Живая, настоящая, злая и ждала моего ответа. Моё имя. Я уже давно его не называл.

– Кассиан, – мой голос прозвучал глухо. – Меня зовут Кассиан.

Она моргнула, разглядывая меня.

– Алисия... Но ты, видимо, и так это знал.

Я наклонил голову, глядя на эту девушку. Алисия. Я ничего не знал о ней. Теперь она из незнакомки стала книгой с именем. Книгой, которую я спас, хоть и не должен был этого делать никогда.

Прошло три дня с того странного момента, как я увидела силуэт в стекле. Почти убедила себя в том, что он мне померещился. Почти. Все эти дни я занималась обычной рутинной: перекладывала книги, сортировала их по алфавиту и просто любовалась красивыми обложками.

Время уже было обеденное и я, перевернув табличку на двери с надписью «Обеденный перерыв», направилась в свою каморку. Заварила чай и начала разогревать еду в микроволновке: готовый обед, приобретённый в ближайшем магазине. Не очень полезно, но быстро.

Мама часто меня за это ругала, пытаясь меня заставить полюбить готовку. Я же была непреклонна, да и какая из меня кухарка? Я максимум, что могу приготовить, так это яичницу и пельмени. И то в яичнице вы всегда отыщете скорлупу. Благо, что лишь её, а не мои отрезанные пальцы!

А мой бывший молодой человек, однажды сказал, что я не так режу хлеб! «Моя мама режет ровно, а ты как попало! Неужели это так сложно?» Сначала я восприняла это как шутку и рассмеялась, а он, как выяснилось позже, не шутил. Оказалось, что я буквально всё делала «не так». Не так одевалась, не так готовила, не так убиралась и смеялась тоже! «Слишком громко, – говорил он. – Настоящая девушка так не делает. Даже моя мама смеётся тише». И тогда я поняла: я не девушка, а бракованная копия его мамы. Собрала свои вещи и ушла. Он, кажется, до сих пор не понял, что случилось, а я поняла: лучше быть одной, чем чьим-то неидеальным отражением.

За этими мыслями я и не заметила, как уже съела свой обед. Посмотрела на свои руки и усмехнулась. «Ну и пусть, зато пальцы целы». Выбросив контейнер в мусорное ведро и допив чай, я вышла в зал, чтобы убрать табличку с двери. Повернувшись к залу, я заметила мигающую

лампочку. «Блин, я снова про неё забыла!» Но делать что-либо уже было поздно: рабочее время электрика всё равно уже подошло к концу.

День тянулся медленно. Заходили редкие посетители, молча листали книги и также молча уходили. Никому не была нужна моя помощь в выборе. Да им и не нужны были книги, а только тихое место для своих бурных или грустных мыслей. Я просто с улыбкой их встречала и провожала. Успела смахнуть пыль с полок, полистать книжку, но слова постоянно не могли сложиться в стройный текст. Я и сама погрузилась в свои мысли, которые бешено менялись чуть ли не каждую секунду. «Что сегодня со мной не так? Магнитные бури?»

Искоса взглянула на часы. До закрытия оставалось не так много, всего лишь полтора часа. Заметив мигающую лампочку, я упорно уставилась на неё, пока она не погасла. Я пожала плечами, отвернувшись к окну. Солнце закрыли тучи, видимо, снова пойдёт дождь. «Да, недолго солнышко нас порадовало». Первая капля упала на подоконник, а через мгновение дождь усилился, превратившись в белую стену ливня. Я почувствовала странный запах, то ли мокрого асфальта, то ли пыли. «Двери и окна закрыты, а пыль я сегодня вытерла» – задумалась я, пытаюсь понять, что же это за запах.

Вдруг я услышала какой-то треск, как будто где-то ломалась ветка. Он повторился еще раз, а запах становился все более явственным. Я пошла на запах, что привёл меня к дальней полке – той самой, где уже три дня мигала лампочка. Сначала я увидела дым. Он поднимался откуда-то из-под потолка, где провода уходили в стену. Потом – искры и уже затем – огонь. Он медленно, почти лениво, перекинулся на верхнюю полку, лизнул корешки книг, и те вспыхнули, как сухая бумага, чем они, собственно, и были.

Я замерла. Огонь был красивым, ужасно красивым. Языки пламени перебирались с книги на книгу, и в их свете корешки вспыхивали алым золотом. «Голодный хищник», – мелькнула дурацкая мысль.

Потом я тряхнула головой. «Хватит строить аллегории! Где огнетушитель? Вода?» Я рванулась было к каморке, но подняла глаза и увидела, как та самая лампочка – моя вечная головная боль – плавится, стекая вниз горячими каплями.

Все это происходило рядом с каморкой. Я понимала, что туда путь мне отрезан. Только если я не самоубийца или не супергерой, что бесстрашно может рвануть сквозь огонь и прочие препятствия. Начала шарить по карманам в поисках телефона. Не обнаружив, поняла, что он остался в той комнате. Я выругалась на свою безалаберность. Сама я не справлюсь, нужно бежать.

Повернулась в обратную сторону и ужаснулась. Я, конечно знала, что огонь разрастается очень быстро, но так стремительно... Хотя тут для него много еды: деревянные шкафы, книги, настоящий пир. Я закашлялась и прикрыла нос воротом свитера. Попыталась сделать пару шагов к двери и отпрыгнула назад. Чёртов потолок собирался пригвоздить меня к земле.

Дышать становилось все труднее. Скоро в мозг перестанет поступать кислород и я грохнусь в обморок, а потом... Даже страшно подумать, что будет дальше. Ноги подкосились и я неловко упала на колени. «Даже упасть по-нормальному не могу! Что от меня еще ожидать? Может, это всё и к лучшему? Кому я вообще нужна?» – подумала я, глотая набегающие слёзы то ли от отчаяния, то ли от дыма.

В последний момент перед тем, как я распласталась на полу, передо мной появилась чья-то тень. Снова мерещится на фоне двери? Только сейчас этот силуэт приближался ко мне.

Прищурившись, я разглядела его очертания: высокий мужчина с длинными волосами то ли седыми, то ли покрытыми пеплом. Бесцветные глаза цепко смотрели на меня.

– Эй... вставай, нужно выбираться отсюда, – услышала я его голос.

– Зачем? – с трудом выговорила я. – Для чего мне... жить?

Я закашлялась, не расслышав его слов:

– ...нужно хотя бы встать. Подмайся. Живо!

От резкого вскрика я распахнула глаза. Сфокусировавшись, я рассмотрела его чуть получше, заприметив его странные глаза: светлые, с темной каймой радужки.

– Кто ты? – выдавила я, пытаясь принять вертикальное положение.

– Скорее всего, твоя единственная возможность выжить.

Он встал и протянул мне руку. «Какая нелепость: незнакомый человек просто так хочет мне помочь.. Станный денёк». Я схватила его руку, как утопающий хватается за соломинку. Он повел меня вперед. Я перешагивала обгорающие обломки шкафов, догорающие книги, словно частичка моей души умирала вместе с ними. Я видела, как рушится мой мир, а может, так и нужно? Чтобы построить что-то новое, нужно разрушить старое.

Как только мы оказались возле двери, я взглянула на отражение. Пока он искал дверную ручку, я увидела себя: растрёпанную, всю в пыли и гари. «Настоящая Баба-Яга» – криво улыбнулась я и перевела взгляд на своего спасителя. – «Откуда же ты взялся?»

Он резко открыл дверь и потянул меня за собой. Яркий свет заставил меня закрыть глаза и вот тогда всё изменилось.

Глава 4. Гостя

«Я был один сто лет, а теперь на моём диване сидела девушка в моей кофте и задавала вопросы, на которые у меня не было ответов»

Я не знал, что делать дальше. Всё это время я знал каждый свой шаг, а теперь я стоял перед живой, настоящей девушкой и не мог выдавить ни слова.

– Что это за место?

Её вопрос сбил меня с толку. «Как мне объяснить ей то, что знаю я, если она просто... человек. Как это раздражает!»

– Это Либра. Место, где хранятся книги судеб. Твоя книга чуть не сгорела, и мне пришлось вмешаться.

– Книги судеб, – задумчиво прошептала Алисия. – То есть, хочешь сказать, что в них описаны наши судьбы? Дата смерти? Всё наше будущее? А я могу почитать свою книгу?

Я раздраженно выдохнул. Во этого я и боялся: любопытство незнакомцев, которые по нелепой случайности могут оказаться здесь.

– Нет. Трогать и читать эти книги запрещено. Я тоже хотел прочесть одну, но вовремя остановился.

– Тогда для чего ты здесь?

Я помедлил. Она была права, ведь со стороны это выглядело достаточно глупо: бесконечные полки, тысячи книг и ни одну нельзя открыть.

– Я здесь, чтобы они не гасли раньше времени, – сказал я. – Не все, только те, за которыми никто не присматривает.

Она нахмурилась.

– Ты сказал, что вмешался в мою книгу. Это ведь запрещено, да?

Я не ответил. Да и что тут скажешь? Я и сам не понимаю, почему решил это сделать. Я нарушил закон, которому когда-то поклялся.

– Запрещено, – ответила она за меня. – Но для чего? Зачем ты преступил закон ради меня? Думаю, от моей гибели мир бы не рухнул.

Я смотрел на неё, не понимая, как человек может так просто говорить такие слова?

– Разве твоя жизнь ничего не значит?

Она молча отвела взгляд.

– Я не знаю. Может что-то и значит. Я никогда не задавалась этим вопросом. Ты первый, кто захотел узнать от меня ответ.

Я на мгновение задумался и продолжил:

– Возможно, мы в чём-то похожи. Мы оба не знаем, для чего живём. Что ж, – я решил сменить тему разговора, – пойдём отсюда. Здесь слишком холодно и тебе нужно отдохнуть.

– А как мне... вернуться домой?

Я уже направился к выходу из архива, но после её слов развернулся и твёрдо сказал:

– Пока побудешь здесь.

Алисия напряглась: это было заметно по её глазам, что блестели подобно вспышке молнии.

– То есть, ты не можешь меня вернуть обратно? Из-за того, что мой магазин сгорел?

Я не знал, как ей объяснить, что это может быть опасно. «Чёрт, в какую же историю я вляпался! Спокойно, спокойно».

– Дело не в магазине. Просто тебе нужно побыть здесь некоторое время. Твоя книга изменилась, и это может привлечь... ненужное внимание.

– Чьё внимание? Твоего начальника?

– Можешь считать и так.

– Пусть приходит. Я ему всё объясню, – она беззаботно пожала плечами, словно это была совсем не проблема.

– Ты. Должна была умереть, – отчеканил я. – Однако ты жива. Поэтому тебе нужно остаться здесь. Поняла?

Она молча сделала шаг назад.

– Значит, я практически побывала на том свете... С ума сойти. Кому расскажешь – не поверят. Тебе сильно достанется из-за меня?

Я удивленно взглянул на неё. Она была первым существом, который поинтересовался обо мне.

– Не знаю. Наверное, достанется, но это будет уже другой разговор. Ты идёшь? Или хочешь здесь замёрзнуть?

– Если там есть тёплое одеяло и кружка горячего чая, то я «за»!

Я усмехнулся и открыл перед ней дверь. Она юркнула внутрь, а я пошёл следом. Теперь моя жизнь перевернётся с ног на голову.

«Ты должна была умереть». Я до сих прокручиваю в голове эти слова. «А ведь я действительно в тот момент хотела сдать! Какая я глупая! Ещё и его подставила».

Я шла за ним по длинному коридору. Звук шагов был приглушен, словно мы шли по ковру. Он распахнул еще одну дверь. Я сдержала свой возглас при виде множества книг, которые... двигались сами по себе!

– Они... живые? – тихо спросила я, разглядывая книги, как диких животных в зоопарке.

– Естественно, – коротко произнес Кассиан, не обернувшись. – Только не вздумай их трогать.

– «Естественно», – передразнила я его. – Для тебя это может всё и нормально, но я такое видела только в фильмах.

– В фильмах? – он повернулся и посмотрел на меня с таким искренним недоумением, что я чуть не рассмеялась.

– Ну, кино. Двигающиеся картинки. Люди на экране играют истории, а ты сидишь и смотришь. Бывают цветные, бывают чёрно-белые.

Он нахмурился.

– Картинки, которые двигаются? Зачем на них смотреть, если есть книги?

– О, поверь, книги тоже экранизируют. Иногда получается хорошо, а порой лучше их не стоит смотреть. Разочаруешься...

Он покачал головой – то ли осуждая, то ли просто не понимая.

– У вас, людей, всё сложно.

– Ну извини, – фыркнула я. – Мы такие.

Он пошел дальше, что-то говоря себе под нос. Я остановилась, разглядывая книги. Их тут была тысяча... нет, намного больше. Если это книги судеб каждого человека, то... их здесь восемь миллиардов? «Я бы сошла с ума сортировать такое количество книг!»

– Как давно ты здесь? – прокричала я, ускоряя шаг, чтобы его догнать.

Он остановился так резко, что я чуть не врезалась ему в спину.

– Сто лет. Плюс-минус. Я давно перестал считать. Не отставай, пожалуйста, а то мы так никуда не дойдём.

Я собиралась сказать какую-нибудь колкость, но вовремя остановилась. Он продолжил идти вперёд, а я поплелась за ним, разглядывая его спину. «Кто же ты такой, Кассиан?» Высокий, бледный, пепельные волосы. Живет один в полной изоляции на протяжении ста лет.

– Эй, Кассиан, – окликнула я.

Он обернулся.

– Тебе сто лет, но выглядишь на тридцать. Ты, случайно, не вампир?

Он нахмурился.

– Кто?

– Вампир. Кровь пьёшь, спишь в гробу, на солнце сверкаешь?

Он смотрел на меня так, будто я предложила ему станцевать вальс или что-то экзотичнее.

– Я не пью кровь. И не сверкаю.

– Эдвард Каллен тоже так говорил. А потом оказалось...

– Кто такой Эдвард Каллен?

Я вздохнула. Вот так всегда – спасаешься от смерти, попадаешь в волшебную библиотеку, а твой спаситель даже «Сумерки» не читал.

– Хотя нет, в зеркале ты отражаешься и на солнце, скорее всего, не сверкаешь, – он смотрел на меня, как на сумасшедшую. – Ладно, проехали.

Мы шагали дальше. Это здание было таким огромным, что я потеряла счет времени. Сколько мы уже здесь? Час? Два? Я не увидела ни одного окна, чтобы хоть выглянуть на улицу. «Либра. Что это? Планета? Страна? Город? Вопросов слишком много и ни одного ответа. Я не уверена, что он объяснит мне всё это более-менее вразумительно».

– Ты здесь живёшь один? – решила прервать затянувшуюся паузу.

– Не один.

– А кто здесь еще есть? Твоя девушка? Жена? – я сразу же зацепилась за возможность его разговорить.

– Я имею ввиду книги, а не людей, – коротко отозвался он.

Я тут же затихла. «Да уж, из него всё только клещами вытягивать».

– Мы пришли, – сказал он, открывая дверь и пропуская меня внутрь.

Он привёл меня в небольшую комнату. Здесь было чисто, но пусто: кровать, стул, старый шкаф. Никаких зеркал.

– Ванная там, – он махнул в сторону не приметной двери. – Вода холодная, но чистая. Полотенце на крючке.

Я оглядела себя: свитер в саже, джинсы в подпалинах, волосы – лучше не думать.

– Мне бы переодеться. В этом я похожа на кочегара.

Он помедлил, потом открыл шкаф и протянул мне серую кофту. Мягкую, с длинными рукавами.

– Держи. Другого ничего нет. И... – он замялся, – джинсы, может, найду, но они будут велики.

Я взяла кофту. Она пахла пылью и чем-то ещё – старым деревом? Либрой? Им?

– Спасибо, Кассиан.

Он кивнул и отвернулся, но я заметила, что кончики его ушей чуть порозовели или это просто свет так падал?

Я открыла дверь в ванную и выдохнула. «Сегодняшний день точно нужно будет включить в мою будущую книгу. Хотя стоп, у меня ведь уже есть собственная книга. Книга, которую я не видела и никогда не читаю». Я включила воду и, пока ванна наполнялась, думала о Кассиане. Что же он скрывает? Ему сложно кому-то открыться и довериться и поэтому он так одинок?

«Возможно, мы в чём-то похожи», – вспомнила я его слова. «Возможно». Я опустилась в ванну, вздрогнув от холодной воды, но это была не самая большая проблема. Я закрыла глаза, ощущая, как накатывает волна спокойствия. Мне было так хорошо, что даже страшно. Казалось бы, я нахожусь не пойми где и непонятно с кем, но мне так... хорошо. Как будто всё, что было раньше, было не больше чем сон. Странный, сумбурный сон.

Я открыла глаза. Белизна ванной комнаты заставила меня опустить глаза на свои руки. Сейчас они уже не были покрыты сажей и грязью. Я опустилась с головой в воду, стараясь смыть сажу с волос. Вынырнув, я почувствовала облегчение. «Теперь я не буду выглядеть так ужасно. Вода творит чудеса!»

Я услышала стук в дверь.

– Если что, джинсы будут висеть на вешалке, – раздался голос Кассиана. Мне показалось, что он был смущён. Я усмехнулась и вылезла из ванны. Быстро вытерлась полотенцем и натянула на себя рубашку и джинсы. Они были великоваты для моего роста, но я их подвернула, сделав чуть короче.

Я вышла и прикрыла за собой дверь. Завернув за угол, я увидела его сидящим на диване с книгой в руках.

– Спасибо за одежду, – сказала я. Он захлопнул книгу и повернулся ко мне.

– Да не за что. Это единственное, что я могу сделать для тебя сейчас.

Я подошла и села рядом с ним. Он ничего не сказал, а просто открыл свою книгу.

– Ты же сказал, что их читать нельзя.

– Это не книга, а всего лишь журнал.

– Журнал для чего? – заинтересованно спросила я, желая заглянуть в эту тетрадь.

Он вздохнул, понимая, что если не скажет, я всё равно не отстану:

– Для учёта. Здесь имена. Тысячи имён тех, кто родился и умер. Здесь есть и твоё. Я записал его недавно.

Я усмехнулась.

– Ты записал меня в столбец с мертвецами? Я могу гордо примкнуть к «Ходячим мертвецам»? Ведь так, да?

Он посмотрел на меня так, будто увидел впервые:

– Ты странная, знаешь об этом?

Я кивнула.

– А ещё я громкая, приставучая и какая-то не такая.

– Оно и видно, – сказал он, покачав головой, но я заметила, как угол его губ чуть дёрнулся.

– Ты первая, кто сидит на этом диване, – сказал он так тихо, что я едва расслышала.

Я хотела ответить – что-то лёгкое, колкое, – но в коридоре раздался звук. Не шорох и не скрип, а тяжёлый, размеренный шаг. Кассиан поднял голову и напрягся.

– Что это? – прошептала я.

Он не ответил, прислушиваясь. Шаг повторился и стих.

Глава 5. Обещание

«Пока я здесь, твоей книги в Архиве не будет. Я впервые сказал это и сам поверил»

Я сидел, глядя на пустую стену перед собой. «Вряд ли это был кто-то из Инквизиции. Хотя, кто их знает? У них наверняка есть свои каналы связи для быстрой реакции».

Я прислушался, но кроме далекого шороха страниц ничего не услышал. У меня развивается паранойя? Она спросила у меня, зачем я её спас, а я и сам не знаю ответ.

Тишина стала настолько невыносимой, что я вышел из комнаты и направился во вторую секцию.

Остановившись возле двери в комнату, где сейчас находится Алисия, я долго смотрел на неё, не решаясь открыть. «Зачем?» – пронёсся в голове терзающий меня вопрос. Только вот к чему он относился: к мимолётному желанию открыть дверь и узнать всё ли у неё в порядке или к тому, что вообще произошло сегодня?

Недолго думая, я открыл дверь и сделал шаг внутрь. Она спала на кровати спиной ко мне, свернувшись в комочек, как беззащитный котёнок. Её присутствие здесь было чем-то привычным, словно она живёт тут с момента моего появления в Либре. «Быть может её спасение что-то значит для этого мира, для Либры... для меня».

Она повернулась в постели. Я замер, боясь, что она меня увидит и задаст логичный вопрос: «Что ты здесь делаешь?» А что я могу сказать? Что просто так зашёл посмотреть, как она спит? Какая ерунда!

Алисия уткнулась носом в одеяло и начала тихонько посапывать. Я выдохнул и быстро вышел в коридор, осторожно закрыв дверь. Направился во вторую секцию, до которой так и не дошел. Чем ближе я подходил, тем отчётливее слышал возню книг. «Неужели её появление взбудоражило их тоже?» Взглянув на буклеты, я удивлённо вскинул брови: все они рядком встали у края шкафа в ожидании чего-то. Я подошел ближе и, присев на корточки, посмотрел на каждого:

– Что-то случилось? Кого-то снова обидели?

Они затрепетали страницами то ли от удивления, то ли от непонимания, что я от них хочу.

– Вы чего-то ждёте?

Почувствовав тепло, я воспринял это как утвердительный ответ. Только вот понять, что они именно хотят, было довольно проблематично. Они постояли так ещё пару минут, а потом разошлись по своим местам. Я пожал плечами и пошёл дальше. В молчании я начал считать свои шаги. Никогда раньше этого не делал, но сейчас меня это даже как-то успокаивало. «Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один». Я остановился возле двери, что ведёт на небольшую кухню. «Интересно, она голодна? Станный вопрос, она же человек! А я? Когда в последний раз я вообще притрагивался к пище? Она же снова подумает, что я вампир или кто-нибудь там ещё!»

Я зашел на кухню и начал открывать шкафы в поисках продуктов. Когда-то давно я умел готовить вполне сносно. Посмотрим, не забыл ли.

«Какой-то чудной сон мне приснился. Пожар моего магазинчика, неожиданная помощь незнакомца, Либра, живые книги. Мне пора в отпуск?»

Такие мысли крутились в моей голове, пока я пыталась выпутаться из одеяла. Оглянувшись, я поняла, что нахожусь не в своей комнате. «Все-таки это был не сон».

Выбравшись из постели, я натянула на себя джинсы, великодушно отданные Кассианом. Размерчик, конечно, не мой, но все же лучше моих прожженных и грязных штанов. «Что мне теперь делать? Вернуться домой я не могу. Во-первых, не знаю, как, а во-вторых, нельзя».

Решив, что не стоит так сильно заморачиваться, ведь хуже уж точно не будет, я вышла из комнаты. Тишина начала меня немного напрягать, но я все же пошла по коридору. Проходя мимо комнат с книгами, я наконец-то слышала хоть какие-то звуки. Книги шелестели страницами, словно неугомонные малыши, а толстые тома стояли прямо, как солдаты на плацу.

Идя по коридору, отделявшему одну секцию от другой, я почувствовала запах, который я ни с чем не могла перепутать: аромат кофе.

Я, подобно собаке, поймавшей след, шла на запах, который становился все сильнее с каждым шагом. «Я так предполагаю, что за этой дверью кухня. Значит, он все-таки тоже ест. Теория о вампире канула в бездну».

За дверью был слышен звон посуды. «Быть может у него есть прислуга? Вряд ли он сам стоит у плиты», размышляла я перед закрытой дверью. Сделав глубокий вдох, я вошла внутрь и застыла на месте. Кассиан стоял ко мне спиной перед плитой. Ему только не хватало кухонного передника, чтобы сойти за повара.

– Чего застыла? Твой кофе остынет, – не оборачиваясь, произнёс он.

– И тебе доброе утро, если оно так у вас называется, – отозвалась я, опустив взгляд на стол, где действительно стояла кружка с божественным напитком.

Я взяла её в руки и чуть пригубила. «Намного лучше растворимого из магазина». Села за стол, опустив кружку, и стала наблюдать за Кассианом.

– Ты часто так готовишь?

Он вздрогнул, будто забыл, что кроме него кто-то может здесь быть.

– Если честно, нет.

– Ты что, на диете?

Он молча обернулся и поставил передо мной тарелку с яичницей.

– Понятия не имею, что ты имеешь в виду. Прости, но это всё, что я сумел найти, – кивнув на тарелку, произнёс он.

Я изумленно рассматривала еду. Ни одной частички скорлупы, всё ровно расположено, не подгорело и не растеклось, как это обычно происходит у меня.

– Ты точно не повар?

Он вздохнул и сел напротив меня.

– Нет, не повар. Просто умею наблюдать и анализировать. Ешь, а то остынет.

– А ты? – поддев желток на вилку, спросила я.

– Я не голоден.

Мне хотелось как-то подколоть его, но, попробовав еду, я сразу же передумала.

– У тебя есть какая-то фишка в приготовлении яичницы, да? Поделишься?

Кассиан удивлённо поднял брови.

– Какая-то фишка?

– Ну, особенность?

– Нет, просто по обычной инструкции рецепта и всё.

– Странно, что, когда я готовлю по рецепту, так идеально не получается, – нахмурилась я, продолжая орудовать вилкой.

Я мельком заметила на его лице улыбку, но, когда я подняла на него взгляд, она исчезла. Я прищурилась, пытаясь разглядеть хоть намёк на неё, но он молча смотрел на меня.

– Что-то не так?

– Да нет, всё нормально. Просто я впервые заметила твою улыбку. Оказывается, ты на неё способен.

Кассиан пожал плечами и отвернулся, глядя на сковородку. Я молча заканчивала свой завтрак на новом месте, которое до сих пор казалось мне странным. И одновременно с этим каким-то родным. Закончив с яичницей, я встала и взяла тарелку, чтобы помыть её.

– Оставь, – сказал он. – Я сам всё уберу.

– Боишься, что разобью? – ухмыльнулась я, вернув тарелку обратно.

Кассиан покачал головой.

– Нет, не из-за этого.

– Она тоже живая?

– Ты же гостя? Разве люди заставляют гостей убирать за собой? Я думаю, что нет.

Я замолчала, осознавая его слова. «Гостя? Я его гостя. Хм, забавно».

– Хорошо... и спасибо. За всё, – тихо добавила я, отведя взгляд в сторону. Неловкое молчание затянулось: Кассиан всё также сидел на стуле, глядя куда-то в пустоту, а я стояла возле стола, не зная, что делать теперь.

Кассиан встал и начал собирать посуду для мытья.

– А мне что делать? – задала я вопрос, стараясь перекрыть воду.

– Просто подожди пару минут.

«Такое ощущение, что он платит за лишние слова». Я начала осматривать кухню. Расставленные по своим местам блюда, тарелки и кружки поражали своей кристальной чистотой. «Слишком аккуратно для мужчины, который живет один».

Тем временем Кассиан закончил мыть посуду, и, вытерев её насухо, вернул всё на места.

– Ты спрашивала, что тебе делать. Пошли, покажу тебе как устроена Либра.

– А?

– Ты что, уснула? – усмехнулся он, глядя на меня.

– Нет, просто задумалась, разглядывая твою идеальную кухню.

– Так ты идёшь или останешься любоваться тарелками?

Я улыбнулась:

– Если ты хочешь показать мне свои владения, почему бы и нет. Конечно пойду! Чем ещё мне тут заняться.

Мы вышли из кухни. Кассиан шёл впереди, не оглядываясь, иду ли я следом. Видимо, знал, что иду или просто привык, что рядом никого нет.

Коридор снова сменился залом, зал – ещё одним коридором. Я уже перестала считать повороты, когда он остановился перед высокой дверью. Не серо-голубой, как та, через которую мы вошли, а тёмной, почти чёрной, с потёртой ручкой.

– Здесь Архив, – сказал он. – Место для законченных историй.

Я вошла следом. Тишина здесь была другой: густой, как в старом соборе. Книги стояли ровно, без движения. Никто не шелестел, не толкался, не дышал.

– Ты всех их проводил? – тихо спросила я.

– Да.

– И что ты им говоришь?

Он помедлил, но ответил – так же тихо, как я спросила:

– Vale, amice.

– Прощай, друг, – шепотом перевела я.

Я стояла и смотрела на бесконечные ряды книг, которые когда-то были людьми, и на человека, который сто лет говорил им «прощай» и никому не сказал «здравствуй».

– Моя книга тоже была бы здесь, если бы ты не вмешался?

Он посмотрел на меня, взвешивая свой ответ. Потом сказал, твердо, но не повышая голос:

– Да. Была бы.

Я выдержала его взгляд, задумавшись о том, что моя история могла закончиться всего лишь двумя словами на латыни.

Прощай, друг. Сто лет я говорил это в пустоту, и вдруг кто-то повторил за мной. Еле слышным шёпотом, но я всё же различил слова. Потом она спросила про свою книгу и даже не испугалась ответа. «Да, была бы», – сказал я ей, себе и Архиву, что безмолвно молчал все эти годы.

– Пока я остаюсь здесь, в Либре, твоей книги в Архиве не будет.

Она никак не отреагировала на мои слова, или просто не подала виду, а вот я понял, что сказал много лишнего. Слишком опрометчиво дал ей обещание.

Я открыл перед ней дверь, и мы вышли в коридор, оставляя за спиной Архив и обещание, которое так легко и неожиданно слетело с моих губ..

Мы шли по коридору в молчании. Тишина отступила, когда мы подходили ближе ко второй секции. Где-то впереди шелестели страницы, и чем ближе мы подходили, тем громче становилась эта возня.

– Это секция номер два, – сказал я. – Здесь находятся новенькие, те, кто только родился.

Она заглянула в зал. Брошюры на полках оживились при виде неё – зашевелились, затрепетали страницами. Я заметил, как одна из них, с тёмной обложкой, чуть придвинулась к краю.

– Это Коринна, – сказал я. – Или, как я назвал её в первый день – Воронёнок. Она родилась недавно. Кажется, она хочет с тобой познакомиться.

Алисия присела на корточки и посмотрела на тёмную брошюру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.